

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

12 8 MAR 1978

ПО «Авангард» УИМ 1024—50 000

в повестку дня первичной
партийной организации

Губительный компромисс

На партсобрании один из выступающих сказал:

— Мы должны были благодарить Юрия Александровича, а не критиковать его. Из-за критики он от нас и ушел.

Это говорил молодой, недавно принятый в партию артист. Он, конечно, знал об обязанности коммуниста развивать критику и самокритику, однако считал, что для способного главрежа следовало сделать исключение.

Признаться, только после этого выступления я до конца понял, какой нравственный ущерб нанесен коллективу.

А в чем же суть?

Два года назад Юрий Котов стал главным режиссером нашего Приморского тюза. Мы были полны добрых надежд: воспитанник Ленинградского тюза, член партии, он должен был помочь театру завоевать новые творческие рубежи. Мы понимали, что новому главному режиссеру в сложившемся с годами коллективе может быть непросто, и видели задачу парторганизации в том, чтобы всячески его поддержать.

Первые спектакли Ю. Котова не стали особым событием для театра и зрителей, тем не менее, анализируя их, мы больше говорили об удачах, чем о промахах и недостатках. Мы сознательно шли на некоторые компромиссы, поскольку в нашем театре считалось нормальным говорить обо всем открыто, высказывать критические замечания невзирая на лица. Мы дорожили этой атмосферой, но по отношению к новому главному считали возможным в чем-то отступить от наших принципов.

С помощью всей труппы новый главный режиссер создал со временем несколько спектаклей, которые понравились зрителю.

Теперь, когда режиссер почувствовал себя более уверенным, можно было говорить о том, что театральная яркость его работ не всегда согласуется с содержательностью. Что отсутствие четких концепций нередко приводит к идейной рыхлости, что увлеченность формой порой превращается в формализм. В труппе попробовали об этом заговорить. Но, оказалось, поздно.

«Кто не с нами,— провозгласил молодой режиссер,— тот против нас!» А те, кто был против, то есть осмеливался критиковать, сначала подвергались соответствующей обработке наедине, потом оказывались надолго незанятыми. На собраниях и производственных совещаниях, где еще год назад можно было говорить обо всем, что волнует, воцарилась тишина. Зато на репетициях—окрик, оскорбление, иногда даже глумление над актером.

Самое страшное заключается в том, что некоторые молодые артисты начали верить, будто таким и должен быть руководитель, такой и должна быть творческая обстановка. «Да, он оскорбляет и унижает,— заявил на собрании один артист.— Но, может, мне это нравится? Тогда я лучше работаю...».

Пройти мимо подобных фактов партийная организация, конечно, не могла. Дважды коммунисты театра пытались объяснить своему товарищу его творческие и воспитательные ошибки. Но разговоры никаких результатов не дали, так как обстановка, сложившаяся вокруг «молодого и способного» вне театра, могла сделать глухим к

критике человека и более зрелого, более трезво относящегося к себе и своему творчеству. Вне театра выпячивались достоинства его постановок, а о просчетах, ошибках, порой весьма серьезных, говорилось более чем мягко и туманно. В конце концов у Котова сложилось впечатление, что его любой ценой хотят задержать во Владивостоке.

В результате — головокружение от похвал. И взгляд на наш театр как на некую стартовую площадку, которую незачем жалеть и с которой нечего считаться.

В начале третьего своего сезона, подготовив один спектакль, главный режиссер отправляется в туристическую поездку. И только с дороги шлет письмо-распоряжение, кому и что ставить в его отсутствие. По возвращении заявляет, что он приглашен на постановку в другой город и намерен воспользоваться предложением немедленно. Его пробуют удержать, образумить, взывают к совести руководителя и коммуниста: как можно бросить свой театр в разгар сезона, когда нет ни одной новой постановки, ничего не запущено в работу? Юрий Котов выдвигает в ответ требование уволить из театра четырех творческих и административных работников, включая и директора. К этому времени главреж так сумел всех убедить, что в театре его «не понимают», что управление культуры готово удовлетворить это требование.

Но интерес к «стартовой площадке» уже потерян. В перспективе у Котова новый, по его мнению, более престижный театр. И Котов едет туда ставить спектакль, не получив на то разрешения. Управлению культуры не остается ничего другого, как уволить его по статье 33-й пункт 4 КЗОТ, то есть за прогул.

Когда Котов вернулся, коммунистам театра пришлось решать вопрос о снятии уволенного главрежа с партийного учета. Несмотря на то, что мы имели право задержать его, поскольку театр оказался в более чем трудном положении, партсобрание все-таки решило снять его с учета, отпустить: слишком дорого обходилось коллективу безоглядное стремление молодого главного режиссера утвердить себя любой ценой.

Сейчас, когда вся эта история позади, я думаю, что она должна насторожить не только нашу партийную организацию. Эта история показывает, что нельзя идти на компромиссы, когда речь — о таких принципиальных вещах, как развитие здоровой критики и самокритики, и особенно в тех случаях, когда дело касается молодых творческих работников.

Развивать критику и самокритику — уставное требование нашей партии. История, происшедшая в Приморском тюзе, подтверждает, что это требование не должно иметь исключений, что молодость и способности не должны служить охранной грамотой от критики. В противном случае страдают интересы дела, интересы самой творческой молодежи.

Н. ЩЕРБАТЮК,
заслуженный артист
РСФСР, секретарь
парторганизации
Приморского тюза
им. Ленинского комсомола.
Владивосток.